

КЛАВДИЯ ЛУКАШЕВИЧ

Босоногая команда

RUGRAM

Москва

2 0 2 2

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Л84

Лукашевич К.

Л84 Босоногая команда / К. Лукашевич. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 130 с. — (Жизни и судьбы).

ISBN 978-5-521-77658-0

Жизнь человеческая очень разнообразна, сложна и переменчива. Не для всех проходит она спокойно и счастливо. Судьба часто посылает людям тяжелые испытания. Почти в каждой жизни случаются невзгоды, горести, а в иных даже страдания и мучительные болезни. Но как бы ни была тяжела ниспосланная доля, у каждого человека есть святой долг прожить жизнь трудолюбиво, с пользой для других и себя. Человек должен как можно больше сделать доброго, прекрасного и непременно в чем-нибудь, где-нибудь оставить по себе хотя бы самый маленький светлый след, добрую память на земле. Это есть великое назначение человека, и к этому должны стремиться все люди.

BIC FC
BISAC FIC000000

БОСОНОЖАЯ КОМАНДА

ПАСХАЛЬНАЯ НОЧЬ

Лет тридцать тому назад, на окраинах Петербурга люди жили гораздо проще, скромнее и даже веселее, чем теперь.

На Васильевском острове, в 15-ой линии, за Малым проспектом были выстроены только небольшие деревянные дома, большею частью одноэтажные, с наружными ставнями у окон. Жили там люди небогатые: мелкие чиновники, неважные купцы, ремесленники, торговцы да фабричные, так как кругом было немало фабрик.

По воскресным и праздничным дням обитатели маленьких домов высыпали на улицу: по мосткам гуляли девицы, обняв друг друга за талии; в иных местах молодежь играла в горелки, в пятнашки; босоногие ребяташки сражались в лапту, в городки, в бабки, а пожилые люди сидели у ворот на скамейках и вели долгие беседы. Всюду было просто и оживленно.

Улицы в то время на Васильевском острове были не такие, как теперь: на них не было каменной мостовой, не было асфальтовых тротуаров, трава пробивалась всюду, где только ей не мешали, а посреди улиц тянулись высокие деревянные мостки.

В том году, о котором я теперь вспоминаю, Пасха была очень поздняя. Стоял конец апреля, и в природе давно уже повеяло ранней весной: все оживало, все пробуждалось от зимнего сна, чаще сияло и дольше оставалось на небе солнце;

из-под таявшего снега бежали быстрые ручейки; около заборов там и сям между желтой прошлогодней травой пробивалась молодая, свежая травка; деревья покрывались почками, которые быстро разворачивались в маленькие, липкие, ярко-зеленые листочки; прилетевшие птицы звонко чирикали, приветствуя приход весны.

* * *

Наступила пасхальная ночь. Только раз в году и бывает такая ночь: чудесная, торжественная! Никто не спит в эту святую ночь: всюду движение, сборы, и сердце самого обиженного горемычного человека невольно наполняется тихой надеждой и радостью.

По улицам зажигались плошки; народ по всем направлениям шел и шел беспрерывно; окна домов были освещены; православные собирались к Светлой Христовой заутрене...

* * *

В одном из подвальных этажей небольшого дома, по 15 линии Васильевского острова, сырая, темная, низкая квартира отдавалась по углам. И там, где очевидно не красно жилось людям, в наступившую пасхальную ночь все выглядело чище, спокойнее и радостнее. Во всех углах копошились жильцы, одеваясь в свое лучшее платье.

В первой комнате, за старой рваной ширмой только один из всех жильцов подвала никуда не собирался и лежал чуть ли не на голых досках, подложив себе под голову вместо подушки какое-то старое тряпье. Это был еще не старый мужчина, исхудалый, бледный, со впалыми глазами, очевидно, больной. Он печально смотрел на мальчика, присевшего боком около него и опустившего голову.

— Надо бы, Гришута, сходить к заутрене, — тихо сказал больной.

Мальчик встрепенулся и встал. На вид ему было лет десять. Волосы у него торчали, будто у ежа, глаза были круглые-прекруглые, а довольно большой вздернутый нос придавал лицу и отвагу и задор. Но при всем том смотрел он прямо, и лицо его выражало доброту и ласку. Да и стоял-то мальчуган особенно, заложив руки за спину, выставив одну ногу вперед и немного откинув набок голову.

— Не во что одеться тебе, Гриша!.. Да и сапог нет!..

— Не беда, батюшка... Можно и без сапог, нынче не холодно. Одну матушки-покойницы кофту черную.

— Ведь и шапки-то нет у тебя, сынок.

— Я, пожалуй, и платком повяжусь.

Отец тяжело вздохнул.

— Нет, это не ладно... Точно девчонка... Одень опять мою старую, все же лучше... Велика только, — вся твоя голова в ней пропадет...

— Ништо... Так ладно будет.

— Эх, горе мое! Сгубила нас с тобой, сынок, эта болезнь моя. Поди, помолись... Детская-то молитва скорее до Бога дойдет.

— Пойду... Только как же ты-то останешься?

— Мне легче теперь...

Гриша достал из-под кровати корзинку, стал в ней шарить и одеваться.

— Какая сегодня служба-то великая идет, — говорил сам с собой больной. — В храмах Божиих какие стихи поют, какие псалмы читают! А потом все люди, забыв зло и вражду, обнимут друг друга, скажут: «Христос воскрес!»

— Батюшка, а батюшка!

Гриша посмотрел на отца и подумал: «Уж не заговаривается ли он?»

— У меня и трех копеек нет тебе на свечу, — глухо сказал отец.

— Ништо... У меня есть огарышек. От 12 Евангелиев остался... «Советник» дал. Увидел, что я стою без свечи, хлопнул легонько по плечу и свечку сунул... Я ее берег... Вот она...

Он встал с пола и вырос перед отцом в порыжелой женской кофте, с головой, ушедшей в старую барашковую шапку, которую он все сдвигал назад. Как он был смешон! Но отец даже не улыбнулся. А уморительный человечек в этой шапке и кофте вдруг схватил больного за шею, припал к нему на грудь головой и замер... Детская ласка везде одинаково мила — и в богатых домах, и в темном сыром углу. Больной ласкал и прижимал к себе дорогую ему голову в большой шапке и глотал подступившие к горлу слезы.

— Нам и разговеться нечем... Нет и яичка красненького для тебя, Гриша.

— Не тужи, батюшка... Ништо... Я скорехонько и дома. Мальчик скрылся за дверью.

* * *

В другом углу того же подвала жила прачка-поденщица. За темной ситцевой занавеской, она снаряжала своих детей к заутрене. Дети оделись в старенькие, заплатанные платья. На простом белом столе стояли очень маленькая пасха, небольшой покупной кулич. И здесь жили бедно... Вдова-мать работала без отдыха, но ведь труд поденщицы оплачивается плохо. Ей едва хватало, чтобы платить за сына в школу, чтобы есть каждый день, и то не досыта, да жить здесь в углу, в подвале.

— Мама, а разговеемся-то мы когда? — спросил подросток-мальчик в чистой ситцевой рубашке, бледный и высокий, с задумчивыми серыми глазами.

— Уж и ты, Степушка, словно маленький, — не дожدهшься. Придем из церкви и разговеемся.

— Тогда и яичко красненькое дашь? — спросила девочка лет семи, как две капли воды, похожая на брата.

— Одним мы разговеемся, а те завтра остальные дам.

— Вкусно! Так слюнки и текут! — проговорила улыбаясь девочка и тронула пасху пальцем.

— Не трогай! Что ты?! Ведь грешно, — остановила ее мать и поспешно завязала пасху в чистый платок.

Не мудрено, что здесь так нетерпеливо ждали разговенья: весь длинный пост они строго постились, ели впроголодь.

* * *

Семья лавочника, лавка которого красовалась на углу Малого проспекта и 15 линии, тоже собиралась в церковь. Пятеро краснощеких детей и сама хозяйка разрядились пестро и пышно. В чистую скатерть завернули огромный разукрашенный кулич, большую пасху с розовым бумажным цветком.

Хозяйка зачем-то пошла в сени. Поторопилась и в дверях столкнулась с входившим мальчиком.

— А, чтоб тебе!!! Не смотришь... Вечно налетишь...! Кажись, все платье оборвал. Так бы тебя, кажется...

И она изо всей силы двинула мальчика, тот отлетел в сторону.

— В церковь идешь, к заутрене, а все лаешься, — произнес где-то в темных сенях мрачный детский голос.

— Хозяин! Иван Никитич! Поди-кось сюда. Послушай, как Андрюшка мне опять грубит... Зазнался! Покою от него нет! — кричала в сенях толстая хозяйка.

— Ужо я его... Сейчас иду... Позабыл мою науку, малец? Ужо я доберусь! — слышался в комнате звучный бас хозяина.

Андрюшка не так был прост, чтобы дожидаться расправы: он шмыгнул из сеней и живо очутился за воротами. Это был некрасивый, рыжий, косоглазый мальчик, круглый сирота и жил из милости у разбогатевшего лавочника, дальнего родственника. Не видел он ничего хорошего в скупой, думавшей только о наживе семье.

В наступающий Светлый праздник Андрюшка знал, что ни от кого не услышит ласкового слова: нет у него; родной души, никому нет до него дела, он совершенно одинок.

* * *

В том же доме, где помещалась лавка, в мезонине в одной тесной комнате жил столяр, жена его, Марья Ивановна, была портниха.

В их комнатке все дышало чистотой; перед большой божницей ярко горела лампада.

Марья Ивановна принарядила свою единственную дочь Марфушу, посмотрела на нее и подмигнула мужу: тот с нежностью остановил на ней взор. Темная коса девочки была гладко причесана и заплетена розовой ленточкой; румяное миловидное личико склонилось над тарелкой с яйцами; она что-то про себя шептала, указывая поочередно на каждое яйцо.

— Что ты там шепчешь? — ласково спросила мать.

— Мамашенька, одного яичка не хватает. Как хотите... Посчитайте сами...

— Что ты, Марфуша, да ведь там целый десяток.

— Вам и папашеньке, бабиньке с дедушкой, тете Ане, слепой Маврушке, дяде Антону, Грише, Степе и Анюте... А «советнику»-то?

— Ишь ты как всех наградила! Откуда ж я тебе возьму? У меня больше нет.

— Ну, мне не надо. Пусть ее дает, коли ей любо, — сказал, улыбаясь, отец.

— Уж ты у нас, отец, баловник! Избалуеть дочку.

Марфуша бросилась отцу на шею и звонко его поцеловала.

На улице в это время раздался первый пушечный выстрел.

* * *

Из калитки маленького деревянного старого дома с зелеными ставнями, выглядевшего чище других по 15-той линии,

